

УДК: 930 (2)

DOI: 10.25629/НС.2024.01.08

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О РАЗВИТИИ «ИСТОРИОПИСАНИЯ»

Селунская Н.Б.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена дискурсу о современной историографической ситуации, которую историки оценивают как «историографическую революцию». Основанием такой оценки является то, что на протяжении прошедшего XX в. и наступившего XXI в. в процессе своего развития историография сменила свой статус вспомогательной исторической дисциплины на признание профессиональным историческим сообществом ее как самостоятельной дисциплины исторической науки. Важной характеристикой «историографической революции» явилась трансформация в понимании и интерпретации предмета историографии в диапазоне от трактовки его как практики критики исторических сочинений до интерпретации историографии как «базовой составляющей исторической культуры» в контексте «культурного поворота». В статье рассмотрены различные версии периодизации «современной историографии», предлагаемые российскими и зарубежными историками, рождение которой большинство из них обозначает «знаменательной датой 1848 года», и которая характеризуется элементами, существующими и сегодня в историографической панораме. Динамика российского историографического процесса рассматривается и в контексте периодизации мировой историографии, то есть историографии не только европейской, но и стран Латинской Америки, Азии, включает четыре этапа, которые имеют хронологические рамки, связанные с «фундаментальными моментами на пути развития современной историографии: 1848–1870; 1870–1929; 1929–1968; 1968–2025(?). Главная задача предложенной периодизации – выявить и понять «различные типы истории», исторического знания, оценить современную историографическую ситуацию, представленную разными способами того, как осуществлять профессию историка.

Ключевые слова

Историографическая ситуация, «историографическая революция», «историописание», периодизация, «культурный поворот», методология истории.

Введение в проблему

Есть вопросы, которые не утрачивают свою актуальность для историков во все времена, а лишь с новой силой вызывают острые дискуссии и непреходящий интерес у профессионального сообщества. Думаю, что не ошибусь, если назову такие «вечные» вопросы как «Что есть история сегодня?», «Как изменился статус истории как научной и учебной дисциплины и как области гуманитарного знания на протяжении длительного периода ее существования и “короткого” и “длинного” XX века?»

Однако есть вопросы, которые являются своеобразными индикаторами для характеристики «историографической ситуации» в разные исторические периоды. Само понятие «историографическая ситуация» имеет мощное смысловое наполнение, выполняя роль индикатора положения, развития мировой или национальной исторической науки. Именно оценочная функция

определяет контент понятия «историографическая ситуация», куда включают историки уровень развития методологии и источниковедения, архивоведения и археографии, спектр проблематики, эффективность институционализации исторической науки и образования и многие другие измерения состояния исторической науки.

Дискуссии и методологические ориентиры

Представляется, что современная историографическая ситуация характеризуется особым интересом и оживленными дискуссиями по вопросам трансформаций предмета истории и ее отдельных областей. Заметим, что в распоряжении исторического сообщества имеется эталонное определение истории, помещенное в терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» в серии «Образы истории» [17, с. 191]. В соответствии с данным в словаре определением, «современная историческая наука состоит из отдельных разделов и отраслей. Она традиционно включает в себя историю общества в целом (всеобщая, или всемирная история), в рамках которой изучается происхождение человечества, этногенез, а также история отдельных стран, народов и цивилизаций». Это лаконичное определение дополнено большим набором специальных статей, посвященных отдельным областям истории, что свидетельствует о бурном процессе дифференциации истории как научной и учебной дисциплины. Этот процесс неизбежно требует и четкого и корректного определения границ отдельных областей исторической науки. Рождающиеся новые и трансформированные «традиционные» области истории имеют собственный предмет и методологию его познания, по поводу которых историками ведутся оживленные дискуссии, в ходе которых высказываются разные точки зрения, оптики видения этих проблем. Не являются исключением и так называемые специальные, или вспомогательные, исторические дисциплины, среди которых особый интерес для автора статьи представляет эволюция такой предметной области истории как «историография». Именно историография как область истории и учебная дисциплина претерпела кардинальные изменения в интерпретации историками ее предмета и статуса в процессе развития. Так, историография выступала под разными «именами» и либо отождествлялась, либо отделялась историками от «истории исторической науки», «истории исторической мысли», «истории исторического знания», «истории «идей», «интеллектуальной истории». В то же время в процессе своего становления и развития историография сменила свой статус вспомогательной исторической дисциплины на признание профессиональным историческим сообществом ее как самостоятельной дисциплины исторической науки.

Современную историографическую ситуацию историки оценивают как «историографическую революцию». Надо заметить, что методологическим ориентиром в использовании концепта «революции» как инструмента изучения научного знания явилась работа Т. Куна «Структура научных революций» [4]. В российской историографии уже на современном этапе, в первое десятилетие XXI в. весьма интересные исследования этого феномена были предприняты известным методологом истории, представлявшим до 2020 г., года своего ухода из жизни, научную историографическую школу Южного федерального университета А.В. Лубским [6, 7].

Цели исследования

Значимость тех явных изменений и трансформаций в понимании и интерпретации предмета историографии в диапазоне от трактовки его как практики критики исторических сочинений до интерпретации историографии как «базовой составляющей исторической культуры» в контексте «культурного поворота», несомненно, актуализирует необходимость их специального анализа в динамике, то есть на протяжении прошедшего XX в. и наступившего XXI в. Особую актуальность сегодня приобретают вопросы взаимосвязи типов «историописания» с получением историками-профессионалами достоверного исторического знания. Вот почему целью предлагаемой статьи является анализ понятия «историографическая революция» и выявление форм проявления отличительных характеристик феномена историографической революции на современном этапе развития исторической науки. Для достижения поставленной

цели необходимо решить задачи, которые включают рассмотрение таких методологически важных аспектов как перемены в интерпретации предмета историографии, его содержания, а также раскрытие характера и этапов эволюции «историописания», в том числе, развития путей и способов познания исторического прошлого, видов исторической саморефлексии, новых методов получения актуального исторического знания.

Результаты и обсуждения

Многозначность дефиниций историографии как историописания, истории исторической науки, исторической мысли и исторического сознания дает основание для вывода о методологическом плюрализме трактовки предмета историографии, имеющей сложную комплексную структуру. Начнем с ответа на вопрос о том, насколько различаются интерпретации предметов названных областей и возможно ли их рассматривать самостоятельно, изолированно, автономно, или же системно, во взаимосвязях и взаимодействии друг с другом в структуре единого предмета историографии.

В специальных исследованиях историков можно найти различные версии ответа на поставленный вопрос. Так, например, в названном издании «Теория и методология истории» историю исторического знания, историю исторической мысли, историю исторической науки отождествляют с историографией [17, с. 193-194]. В работах С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, представляющих научную школу Российского государственного гуманитарного университета, на основе анализа российской традиции сделан вывод о понимании историографии как «вида исторической саморефлексии» среди профессиональных историков, который в разные периоды именовался по-разному в различные периоды развития исторической науки: как «история истории», «история исторической мысли», «история исторического письма», «история историографии» и, наконец, «история исторической науки». Так, например, для периода рубежа XIX и XX вв. в фокусе внимания историографических сочинений были персоналии историков, их концепции, рассматривавшиеся в хронологической последовательности. В более поздний период доминировал науковедческий стиль историописания, рельефно представленный, в частности, в отечественной историографии советского периода. В последней четверти XX в., как подчеркивают названные авторы, науковедческий подход теряет свой статус и вытесняется иным типом современной интерпретации предмета историографии как части «интеллектуального пространства», что сближает историографию областью «интеллектуальной истории» [8, 9, 10]. Надо заметить, что С.И. Маловичко долгое время возглавлял отделение Российского общества интеллектуальной истории в Ставропольском государственном университете, где на организованных им дискуссионных площадках и в своих монографиях, статьях, в том числе, опубликованных в рейтинговых изданиях, развивал весьма плодотворные идеи и рефлексии по поводу истории исторической науки как синтеза историографии, источниковедения и интеллектуальной истории. Так, например, в своей статье «Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания» автор пишет, что «понимание может обеспечить не позиция, стремящаяся к «исправлению» другого типа истории, а рефлексия на метауровне науки с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности», актуализированного в проблемном поле источниковедения историографии» [8].

Как видим, взаимосвязь между историографией и интеллектуальной историей варьировалась на протяжении XX в. и к настоящему времени справедливо утверждать сближение исследовательских полей интеллектуальной истории, историографии и культурной истории. Тенденция развития предметных областей историографии и интеллектуальной истории подробно анализирует в своих монографических исследованиях чл.-корр. РАН Л.П. Репина, возглавляющая Центр интеллектуальной истории РАН и Российское общество интеллектуальной истории, подчеркивая, что неотъемлемой частью предмета интеллектуальной историей стала история знания, история науки и так называемая «дисциплинарная история» [13, 14].

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует тот факт, что происшедшие перемены в содержании и структуре предмета историографии на современном этапе могут быть оценены

как революционные по своему характеру. Предмет историографии не просто расширил свои границы, но и приобрел междисциплинарный характер, взаимодействуя с такими областями исторической науки как история науки, интеллектуальная история, история культуры. Качественные сдвиги в предметной области историографии связаны с «культурным поворотом» в методологическом пространстве современной исторической науки, который определил особую значимость культурно-исторической специфики периода, в котором формируется и конструируется образ прошлого, то есть тип «историописания» и содержание историографии как учебной дисциплины [18]. Представляется, что анализ трансформаций в предметной области историографии дает весомые основания для оценки их как проявление феномена «историографической революции».

Надо сказать, что в литературе имеют место интересные попытки изучения различных этапов историографической революции как в рамках современного периода, так и в более широкой ретроспективе. Так, например, Б.Г. Могильницкий, исследуя характер динамики историографической революции на протяжении периода середины XX – начала XXI вв., оценивает ее как замену сциентизма как принципа «историописания», представленного методологией макро-анализа исторических явлений и процессов, социологизацией истории постмодернистской версией, предпочтительным вниманием историков к микроисторическому типу «историописания», поворотом к субъективности. По его мнению, сейчас происходит третий этап историографической революции [11].

Анализируя современную историографическую ситуацию, следует иметь в виду неоднозначность трактовки историками критериев периодизации и содержания этапов этого процесса. Следует отметить, что периодизация историографии не совпадает с хронологией истории. Вот почему, говоря об историографической ситуации XX в., некоторые историки интерпретируют этот период как «отрезок времени, который уже сейчас насчитывает более 150 лет», ибо его отправной точкой считают 1848 год, «рождение критического проекта оригинального марксизма», а завершение «историографии XX века» как объекта своего исследования, намечают, с определенной степенью вероятности, на 2025 или 2050 год [15]. Этот «долгий XX историографический век» обладает своей спецификой и своими фундаментальными характеристиками, «линиями эволюции», свойственными всему «универсуму» исторических исследований этой эпохи. О «линиях эволюции», а именно, о типологии и этапах развития историографии XX в. очень определенно высказывался еще в конце 1990-х гг. такой авторитетный ученый как Дж. Иггерс [19]. Он выделял такие мощные «волны» историографической акватории, в которой методология, несомненно, является основным сущностным контентом, как «марксизм», доминирующий в первой трети XX в., сменивший его «структурализм», «квантификация» и, наконец, пришедший в 1980-90-е гг. – постмодернизм» как вызов всей предшествующей традиции «модернизма» и сциентизма». Характерно, что в этой периодизации ключевым моментом является оценка происходивших изменений в предметной области истории, в историографии, как нарастающего тренда «научной истории», который на завершающем этапе хронологического XX в. столкнулся с «вызовом» ревизии всех основных постулатов «модернизма» – эмпирической верификации гипотез, важной познавательной роли объяснительных теорий, генерализирующего подхода. Как видим, оценка Дж. Иггерса, в принципе, совпадает с характеристикой историографической ситуации, данной Б.Г. Могильницким.

В то же время, представляется важным обратить внимание и на другие версии периодизации «современной историографии», рождение которой обозначена «знаменательной датой 1848 года», и которая характеризуется элементами, «существующими и сегодня в историографической панораме» [15]. Эта схема периодизации мировой историографии, то есть историографии не только европейской, «а еще России» и стран Латинской Америки, Азии, включает четыре этапа, которые имеют хронологические рамки, связанные с «фундаментальными моментами на пути развития современной историографии: 1848–1870; 1870–1929; 1929–1968; 1968–2025(?). Однако, главная задача предложенной периодизации – выявить и понять «различные типы истории», исторического знания, в современной историографии, «разные способы осуществлять профессию историка». Так, по мнению автора, за *первым этапом (циклом)*,

который оценивается как проект создания истинной исторической науки на основе марксизма, *следует второй период «первой историографической гегемонии»* с центром на немецкоязычной территории Западной Европы и последующим распространением этой «модели» истории на другие европейские и мировые историографии, который закончился вызванным нацизмом «катастрофическим кризисом немецкой культуры». *Для третьей фазы* современной историографии характерна «французская историографическая гегемония», которая репрезентировала вторую модель историографии. Именно она стала доминирующей в мировой историографии и завершила свою миссию в водовороте «глубокой культурной революции 1968 года». Важным последствием этой культурной революции было рождение завершающего, *четвертого этапа* современной историографии, которому не свойственна никакая историографическая гегемония, которую заменил принцип полицентризма в открытии новых путей развития историографии. Важным представляется тезис о том, что потеря доминирующей роли в мировой историографии не означает исчезновения историографических течений, типов познания истории из историографической панорамы. Они продолжают существовать вплоть до настоящего времени и игнорирование этих «проектов» затрудняло бы понимание историографии XX в., в целом, и современности, в том числе. Так, например, по мнению мексиканского историка и политического деятеля Карлоса Антонио Агирре Рохаса невозможно не учитывать влияние марксизма на протяжении всей истории историографии с 1848 г. по сегодняшний день, что подтверждается опытом существования заявивших себя марксистскими таких историографических направлений как *группа традиционных марксистов*, объединенных вокруг журнала Past and Present Эрика Хобсбаума, New Left Review Э.П. Томпсона и Перри Андерсона, History Workshop Рафаэля Самуэля, представляющих «социалистическую критическую историографию». «Обогащенную» марксистскую историографию, по мнению историографов, представляют научные школы П. Вилара и И. Валлерстейна, которые не изменяя марксизму, в то же время «расширили свои горизонты, вобрали «все важное и новое» из других интеллектуальных течений, например, из школы Анналов [15, 3]. О существовании марксизма в новых условиях развития современной историографии свидетельствует и опыт трансформаций, произошедших в сфере методологии национальных историографий на этапе существования «социалистического мира» на европейском и азиатском континентах, то есть в советской, польской, венгерской, румынской, албанской, а также китайской, вьетнамской, наконец, кубинской. Цикл их существования оценивается понятием «короткого, или маленького XX века».

В целом же, однако, общий тренд современной историографии оценивается историками сегодня как «нисходящая фаза длительного жизненного цикла модерности», внутри которой марксизм как импульс начала проекта научной истории и сегодня участвует в выстраивании истинно научной перспективы для исторических исследований. Это участие представлено в том, что марксизм и его достижения конвертированы в квантификацию и цифровую историю как мировые тренды современной историографии, представители которых разделяют тезис о признании истории как науки с предоставлением истории статуса социальной науки.

Нельзя ограничиться охарактеризованными подходами к оценке содержания, характера изменений и этапов эволюции современной историографической ситуации, в которых на первый план выступает как доминирующая тенденция сциентизма. Как уже отмечалось, современная историографическая революция связывается с «культурным поворотом» в методологии истории. Этой точке зрения придерживаются не только российские историки, но и зарубежные представители мирового исторического сообщества.

Так, например, осмысление этих фундаментальных изменений в области современных представлений о предмете, функциях и статусе историографии в XX–XXI вв., «рефлексии об истории или историографии» может быть успешно осуществлены, по мнению известного польского методолога, ученика Ежи Топольского, Войцеха Вжосека, только тогда, когда она трактуется как отрасль культуры [2]. Более того, им утверждается, что «история могла бы быть признана наукой настолько, насколько удалось бы «предварительно построить науку в область культуры». Признавая весьма значимым и бурно обсуждаемым тезис «противопоставления

науки культуре», польский методолог связывает истоки происхождения этой дилеммы с традицией модернизма, влиянием отголосков позитивистской философии нового времени с ее идеалом науки, опирающийся на естественнонаучную методологию. Так, он утверждает, что тезис противопоставления науки культуре зародился «в оппозиции тем сферам культуры, с которыми ранее ее связывали и отождествляли», а именно: с религией, теологией, искусством, идеологией. Тенденция автономизации и суверенности науки укреплялась, по его мнению, и поддерживалась на протяжении XX в. в симбиозе с естественными науками, с признанием естествознания в качестве идеального образа науки представителями наук о человеке, которые для себя выбрали и приняли именно такую модель как вариант развития области гуманитарного знания. Однако на современном этапе отождествление истории с наукой порождает вновь в историческом профессиональном сообществе противоречия, проистекающие из признания происхождения истории из поэзии, литературы, а также из осознания историками, что в идентичности истории существует многое, не совпадающее с характеристиками ее как науки в области метода, объекта, а также целей и функций.

Вот почему историки признают «революционный характер» происходящих перемены в методологии «историописания», которые и вызвали кризис идентичности предмета историографии. Прежде всего, важно проанализировать перемены в представлениях историков об основных параметрах объекта истории, о категориях пространства и времени, так называемые спациональных и темпоральных характеристиках объекта. Именно помещение объекта в определенный пространственно-временные рамки, в исторический контекст, и делает его историческим, включенным в историческое исследование. При этом речь идет об историческом пространстве (не тождественном географическому, например), а также об историческом (а не календарном) времени. В нашей отечественной историографии традиция изучения исторического времени и пространства подверглась фундаментальному исследованию в коллективной монографии «Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад» под редакцией Л.П. Репиной [12]. Важно отметить, что в современной мировой историографии все отчетливее проявляется тенденция «переоткрыть» историческое время. О значимости для современного исторического сообщества проблемы переосмысления основных измерений исторического прошлого – времени и пространства – свидетельствует и тот факт, что эти проблемы обсуждались на международном форуме, XXII Международном конгрессе исторических наук под эгидой Международного комитета исторических наук [5]. Участники форума обсуждали тенденции эволюции представлений о времени и репрезентации событий прошлого в масштабной хронологической перспективе от Античности до современности. В фокусе дискуссий находились проблемы динамики исторического сознания, образы значимого прошлого, связь между тремя модусами времени: прошлым, настоящим и будущим и многие другие.

Понятно, что каждое событие происходит во времени, координатами которого могут выступать датировка, помещение события в определенные хронологические системы или системы периодизации истории. Однако историческим сообществом признается тот факт, что мы наблюдаем «перелом», «разрыв» между так называемой «классической», или традиционной, историографией, которая, прежде всего, может быть представлена сциентистской историографией эпохи модерна, и современной «неклассической», сердцевину которой составляет историческая антропология. В этой ситуации ревизии со стороны представителей современной неклассической историографии подвергается модель «линейного времени», которая использовалась классической историографией, и которая «вписывала», по их мнению, историческое событие в жестко детерминированные пространственно-хронологические рамки «навсегда ушедшего прошлого». Сегодня же историки по-новому стремятся показать «переплетение времен и миров действия» исторических акторов, рассматривая, обсуждая и исследуя событие как «нарративную конструкцию». Важно отметить, что в этих трактовках критиков классической историографии «носителями событийной темпоральности являются люди, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными» и именно событие, отношение к нему людей и формируют память [5, с. 23-24]. Таким образом в современной историографии проблема времени трансформируется в проблему представлений

о времени и о событиях, которая тесно связана с исторической памятью, изучение которой сформировалось в особую область знаний «memory studies». В контексте исторической памяти время «репрезентируется» через исторические события, которые могут приобретать статус «события-маркера» или же «события-монстра».

Современные представления историков о времени, проблема темпоральности в историографии вообще рассматриваются в контексте «исторической памяти» («memory studies»), что определяет подходы к измерению времени историческими событиями, которые могут выступать в функции «маркера», определяющего переломы, разрывы, этапы и периоды исторического процесса, национальной истории, в частности.

В мировой историографии еще на рубеже XX и XXI вв. Ежи Топольский указывал на исторический и культурный синтез=симбиоз времени и пространства [20]. О разработке этого тезиса пишет в своей работе его ученик В.Взожек, который цитирует определение пространства, данное, в частности, немецким социологом Йоргом Зиммелем о «переменчивости» пространства, «прочерченного социальными практиками, социальным знанием, ментальностями», как утверждает В. Взожек, восходит к работам М. Фуко и Ф. Броделя и представляет другую тенденцию кардинальных перемен в современной историографической ситуации, связанную с «культурным поворотом» в методологии «историописания». Неслучайно истоки этого подхода усматриваются в работах представителей школы Анналов, Ф. Броделя, в частности, который подчеркивал, что «когда речь идет не о растениях, животных, рельефе, климате, а о людях», то пространство и его границы зависит от того, «каким его делают люди». Так, он подчеркивал, что судьба исторического пространства зависит от превратности человеческих судеб, которые могут сужать или расширять его пределы, а «речь должна идти не об одной, а о ста границах» пространства, отражающих различия политические, либо экономические, либо культурные [1].

Заключение

Таким образом, сторонники культурологической версии «историописания» фокус своего внимания переносят на исторические представления, «образы» пространства и времени, то есть на то, что под ними понимается. При этом на первый план выступает «историческая изменчивость» этих представлений, трансформирующихся под влиянием культурных практик, которые и определяют пространственно-временные контуры. Пространство становится наполненным человеческим движением, и оно исчезает, то есть «пространства нет, если нет людей». В отличие от сциентистской историографии модерна, сторонники которой представляли прошлое как процессуальную, социальную действительность с географическими, политическими, экономическими границами, в гуманитарно-культурологической версии истории появляется понимание «границ культурных практик».

Предпринятый анализ убеждает в том, что историческое сообщество переживает «историографическую революцию», очевидность которой подтверждается «культурным», «мемориальным», «пространственным» и другими «крутыми поворотами» в современной методологии «историописания».

Библиография

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1. Роль среды. / пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
2. Вжосек В. Культура и историческая истина / пер. с польск. К.Ю. Ерусалимского. М.: Кругъ, 2012. 336 с.
3. Домбровская А., Водченко Р. О философии истории и практике современности: заметки на полях книги К. Рохаса. URL: http://scepsis.net/library/id_3336.html (дата обращения 15.01.2024).
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

5. Леонтьева О.Б., Репина Л.П., Чеканцева З.А. История и теория на XXII конгрессе МКИН. Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 8–32.
6. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 325 с.
7. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. 304 с.
8. Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания // Диалог со временем. 2014. Вып.46. С. 129–145. URL: <https://roii.ru/r/1/46.13> (Дата обращения 15.01.2024).
9. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории / отв. ред. И.В. Крючков. Вып. 7. Пятигорск; Ставрополь, 2005. С. 5–31.
10. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 274–290.
11. Могильницкий Б.Г. История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 5–22.
12. Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. 959 с.
13. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
14. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и исследовательская практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
15. Рохас К.А.А. Историография в 20 веке: История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Круг, 2008. 163 с.
16. Селунская Н.Б. Современный язык историка-профессионала (Рецензия на книгу: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. О.А. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с. (Образы истории; отв. ред. Серии Л.П. Репина) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2 (26). С. 251–253. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34565&ysclid=lrgs61ksej539524467 (Дата обращения 10.01.2024).
17. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
18. Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований. К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко (1923–2023). Монография / под ред. А.Г. Голикова. СПб.: Алетей, 2023. 252 с.
19. Iggers G.G. Historiography in the Twentieth Century. Wesleyan Univ. Press of New England, Hannover, 1997. 204 p.
20. In Search of Historical Time. An Essay on Time, Culture and History // Narration and Explanation. Contributions to the Methodology of the Historical Research / ed. By J. Topolsky. Amsterdam-Atlanta. 1990. P. 119–129.

**“HISTORIOGRAPHICAL REVOLUTION” IN MODERN HISTORICAL SCIENCE:
METHODOLOGICAL DISCUSSIONS ON THE DEVELOPMENT OF
“HISTORIOGRAPHY”**

Selunskaya N.B.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article is devoted to the discourse on the modern historiographical situation, which is assessed by historians as a “historiographical revolution”. The basis for such an assessment is the fact that in the course of its development during the past 20th century and the 21st century historiography changed its status of an auxiliary historical discipline and was recognized by the professional historical community as an independent discipline of historical science. An important characteristic of the “historiographical revolution” was the transformation in the understanding and interpretation of the subject of historiography, ranging from treating it as the practice of criticism of historical writings to the interpretation of historiography as a “basic component of historical culture” in the context of the “cultural turn”. The article considers various versions of the periodization of “modern historiography” proposed by Russian and foreign historians, the birth of which most of them designate “the significant date of 1848”, and which is characterized by elements that still exist today in the historiographical panorama. The dynamics of the Russian historiographical process is also considered in the context of the periodization of world historiography, i.e. historiography of not only European, but also Latin American and Asian countries, includes four stages, which have chronological frameworks associated with “fundamental moments” on the way of development of modern historiography: 1848-1870; 1870-1929; 1929-1968; 1968-2025(?). The main objective of the proposed periodization is to identify and understand “different types of history”, historical knowledge, and to evaluate the contemporary historiographical situation represented by different ways of how to carry out the profession of historian.

Keywords

Historiographical situation, “historiographical revolution”, “historiography”, “historiography”, periodization, “cultural turn”, methodology of history.